

Динамика «Большого террора» (1937-1938) в пяти регионах РСФСР: сравнительный анализ баз данных по книгам памяти

В истории СССР можно выделить целый ряд репрессивных волн. Исследователи неоднократно отмечали, что террор, начавшийся еще в эпоху Гражданской войны, затем активно продолжился в годы «раскулачивания», затем – в конце 1930-х гг. и после войны, вплоть до смерти Сталина. Некоторые историки склонны считать, что весь этот период с 1920-х годов и по 1953 г. был эпохой «Большого террора»¹. Однако в данном докладе мы будем вслед за автором этого термина Р. Конквестом и рядом современных исследователей считать его началом лето 1937 г.², а конец – осенью 1938 г.

«Большой террор» 1937-1938 гг. занимает в истории СССР особое место. Никогда более за столь сжатые сроки не было репрессировано такое большое количество граждан – 1,5 миллиона человек, из них почти 700 тысяч были впоследствии приговорены к высшей мере наказания.

В этой связи представляется крайне важным сделать акцент на изучении «Большого террора» и показать динамику развития этого процесса как одной из репрессивных волн, а также его влияние на общество. Эти аспекты, в свою очередь, можно отследить на региональном материале, выявив сходства и различия. Такого рода исследования вносят вклад в дискуссию о том, насколько массовые операции контролировались «сверху» (что отражает доминирование тоталитарных принципов), а насколько они осуществлялись по инициативе местных властей, которая является одной из ключевых в историографии «Большого террора»³.

В последнее время появляется все больше работ, которые детально и с применением статистических методов, на основе больших массивов данных анализируют ход «Большого террора» в различных регионах⁴. Однако лишь некоторые из этих

---

¹ См.: Литвин А. Российская историография большого террора // [Электронный ресурс]. - URL: <http://his.1september.ru/1999/his33.htm> (дата обращения: 01.06.2013); Данилов В.П. Введение. Советская деревня в годы «Большого террора» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. Кн. 1. 1937. М., 2004. С. 9.

² Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД №00447. М., 2008. С. 16.

³ Речь идет о дискуссии представителей таких направлений в историографии, как, условно говоря, «антисталинисты» (О. Хлевнюк, Н. Петров, В. Хаустов и др.) и «ревизионисты» (Дж. А. Гетти, Ю. Жуков, Л. Наумов и др.). Если первые, в самом общем виде, говорят о полном контроле центра и лично Сталина за ходом репрессий, то вторые подчеркивают серьезное влияние или даже «произвол» местных властей – партийных или руководителей служб безопасности.

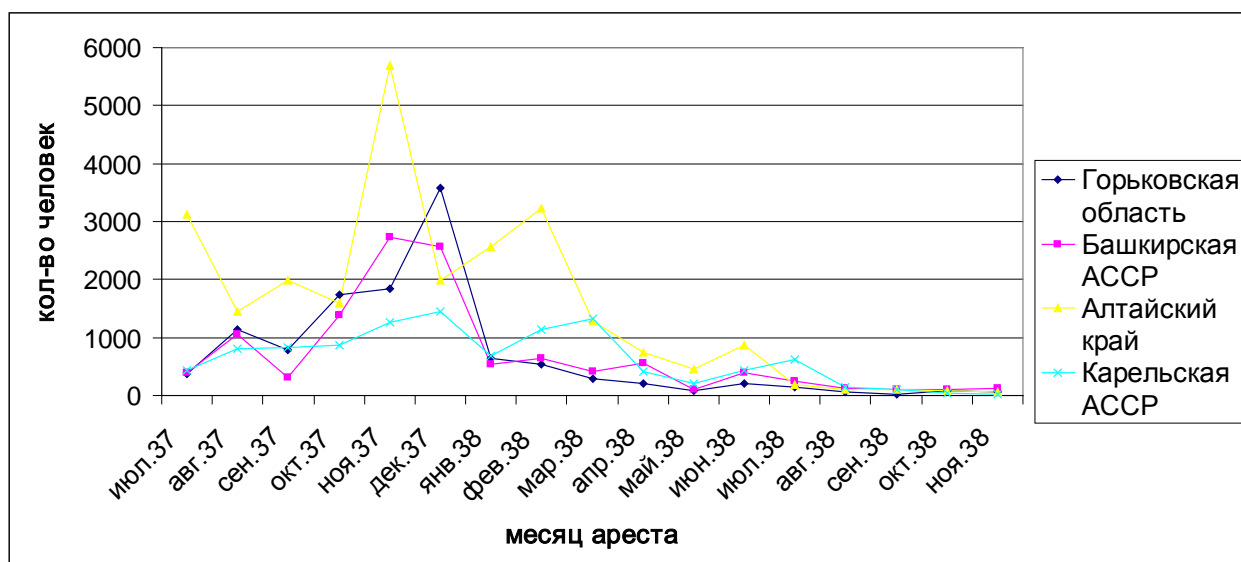
⁴ См., например: Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа №00447. М., 2009; «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. / отв. ред. О. Лейбович. М., 2009; Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917-1953. М., 2011.

исследований⁵ содержат анализ такого источника, как книги памяти, в которых на основе архивных данных уже собраны базовые сведения о биографиях репрессированных.

В данном докладе рассмотрена динамика «Большого террора» в пяти регионах РСФСР: Алтайском крае, Башкирской АССР, Горьковской области, Карельской АССР и Северо-Осетинской АССР. Эти регионы выбраны как разные по географическому положению, экономическому профилю и национальному составу.

Основным источником исследования стали книги памяти этих регионов, вошедшие в электронную базу данных «Жертвы политического террора в СССР»⁶, составленную историко-просветительским обществом «Мемориал». По нашим подсчетам, в базе данных есть краткие биографии 80-100% репрессированных в каждом из пяти регионов.

Рис. 1. Динамика арестов репрессированных в четырех регионах РСФСР⁷.

По динамике репрессий почти во всех рассматриваемых регионах РСФСР (рис. 1) видно, как резко начались массовые аресты в августе 1937 г. Именно в этом месяце стартовала так называемая «кулацкая» операция, чье проведение определялось появившимся в июле 1937 г. приказе №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»⁸. Для упрощения осуществления репрессий создавались специальные внесудебные органы – тройки. Затем

⁵ Нам известен всего лишь один пример статистического анализа «книг памяти» в историографии, это работа Мелани Илич «Большой террор в Ленинграде: квантитативный анализ»: Melanie Ilić. The Great Terror: Leningrad – a Quantitative Analysis // Ed. Stephen G. Wheatcroft. Challenging traditional views on Russian history. London: Palgrave, 2002. Однако в некоторых случаях исследователи используют базы данных, созданные в региональных архивах (в частности, в Смоленской области и Пермском крае). На основе этих же баз данных создавались книги памяти.

⁶ Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. М.: Звенья, 2007.1 электрон, опт. диск (CD-ROM).

⁷ Данные по Северо-Осетинской АССР не предоставлены, так как в книгах памяти нет информации о датах арестах, но есть лишь даты осуждения репрессированных.

⁸ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938 / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2004. С. 273-281.

в СССР начали проводиться и другие, на сей раз национальные операции – польская, немецкая, латышская и другие.

Исключением в связи с началом массовых операций можно назвать Алтайский край. В нем массовые аресты активно начались еще в июле 1937 г. в связи с так называемой «ровсовской» операцией против якобы существовавших «кадетско-монархической и эсеровской организаций»⁹. В этом регионе тройка действовала уже с 9 июля 1937 г., став прообразом одноименных внесудебных органов, организованных по всей стране в рамках «кулацкой» операции¹⁰.

Согласно динамике, самым горячим временем для сотрудников НКВД, проводивших аресты населения, во всех четырех регионах стали последние два месяца 1937 г. В Башкирии и в Алтайском крае максимальное количество арестов приходится на ноябрь 1937 г., а в Горьковской области и в Карельской АССР – на декабрь 1937 г. В некоторых регионах прослеживается прямая связь между запросами руководства на увеличение лимита по репрессиям и, после одобрения, ростом количества арестов.

В 1938 г. «Большой террор» развивался уже далеко не так активно. В Горьковской области и Башкирии, где «кулацкая» операция была прекращена в 1937 г., в 1938 г. было арестовано всего по 20% и 30% от всех арестованных соответственно. В Алтайском крае и Карелии, где эта операция в 1938 г., напротив, продолжилась¹¹, этот процент гораздо выше – 40% и 48% соответственно.

Рис. 2. Динамика вынесения судебных приговоров в четырех регионах РСФСР¹².

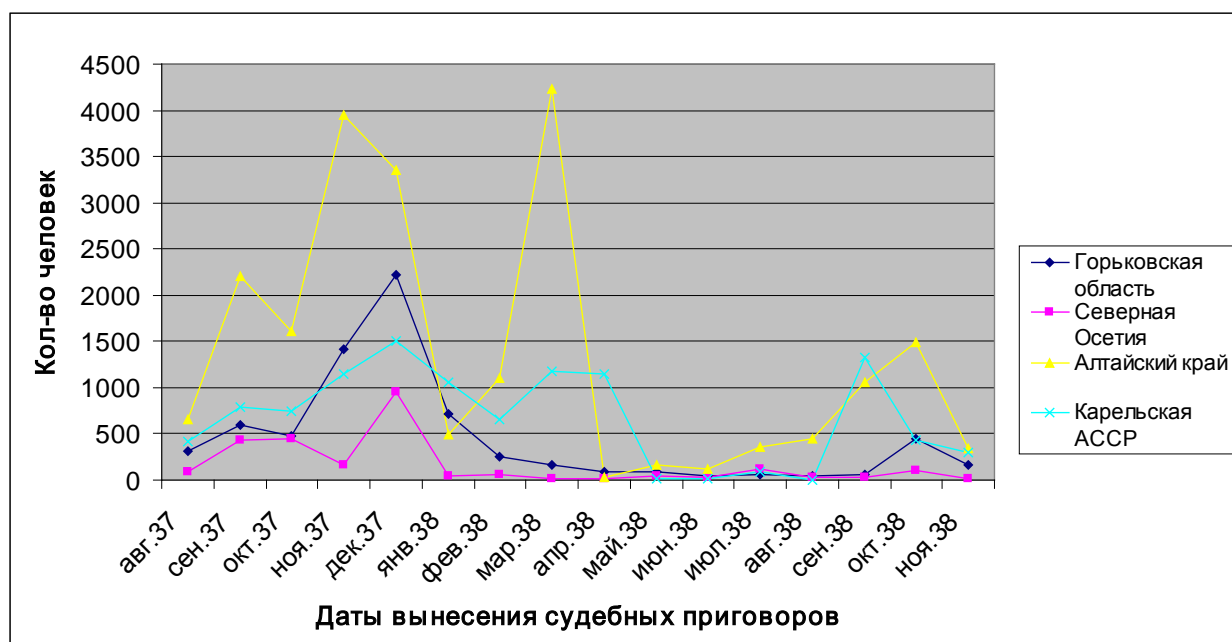
---

⁹ Справка начальника УНКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной Сибири», 17 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы. Т. 5., Кн. 1. С. 256.

¹⁰ Аблажей Н.Н. «Кулацкая» и «ровсовская» операции по приказу №00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938. Массовые операции на основе приказа №00447. М., 2009. С. 343.

¹¹ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. С. 468.

¹² Данные по Башкирской АССР не представлены, так как в книгах памяти этого региона нет данных о датах осуждения репрессированных.

Завершение процесса «Большого террора» лучше всего видно по динамике вынесения судебных приговоров (рис. 2). Во всех регионах, по которым есть необходимые данные, наблюдается заметное, а в случае Карельской АССР и Алтайского края и резкое увеличение числа осужденных в сентябре-октябре 1938 г. Руководство органов внутренних дел готовилось к завершению операции и «подчищало» тюрьмы. С 16 ноября 1938 г. деятельность троек и др. органов, активно использовавшихся в ходе репрессивной кампании, была приостановлена¹³, что означало конец массовых репрессий этого периода.

Таким образом, мы проследили динамику развития «Большого террора» в пяти регионах РСФСР и выявили, что в целом она была сходная. По крайней мере в рассматриваемых регионах специфика проведения репрессивных кампаний объясняется определенными приказами и в своих основных чертах, безусловно, санкционирована сверху. Начало и конец «Большого террора», регламентированные центром, четко видны на динамике арестов и графике дат вынесения судебных приговоров.

Все это позволяет считать Большой террор процессом достаточно специфичным, законченным и жестко ограниченным временными рамками. Репрессии 1937-1938 гг., вероятно, стали апогеем сталинского террора, в ходе которого обвинения вышли за всяческую грань разумного. Трудно предположить, что в 1920-х или начале 1930-х людей могли расстреливать за такие «антисоветские высказывания» о дореволюционных временах, как: «Вот, хорошие сапоги, разве теперь такие купишь»¹⁴. В эпоху «Большого террора», когда государство приобрело основные черты, присущие тоталитарному строю, таких примеров были тысячи.

¹³ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности. Там же. С. 606.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 2. Д. 19606. Л. 17.